

— Эй, Цзыде, Ро Си, вы ступайте в Пурпурное Очарование, у меня тут кое-какие дела, я подойду чуть позже, — коротко и решительно бросила Юйсинь и отключила вызов.

У Цзыде даже не осталось возможности сказать хотя бы «хорошо».

Ро Си, услышав их голоса, тут же принялась ругаться:

— Вы две бессовестные девчонки, бросили меня одну и сбежали, совсем совесть потеряли! А если меня схватят плохие парни, что мне делать? — и дальше посыпался бесконечный поток ругани и бессвязных знаков.

Цзыде больше не могла это слушать, просто сбросила вызов, сняла Bluetooth-гарнитуру и швырнула её в сторону. Выжав из машины максимум, она помчалась по дороге, превратившись в яркое и стремительное зрелище.

Ро Си разъярилась так, что едва не дымилась от гнева — в трубке раздавались лишь частые гудки.

Резко вдавив педаль газа, её автомобиль мгновенной вспышкой пронёсся мимо, оставив после себя лишь клубящиеся по ветру тучи пыли.

Пурпурное Очарование — это принадлежащий им бар, невероятно популярный, но вход туда открыт только по членским билетам.

Куда же направилась Юйсинь? И что их теперь ждёт?

Небо было ясным и безоблачным, лишь редкие белые облачка плыли по выси, создавая ощущение лёгкой безмятежности.

Юйсинь вела машину, вдруг круто повернула, и спортивный автомобиль с визгом тормозов идеально замер на месте.

Это место было похоже на парк, но кто знал, какая скрытая, пугающая истина кроется за ним...

Совсем ничего не изменилось, всё по-прежнему.

Юйсинь медленно вышла из машины, в её глазах явно читалась глубокая, такая явная и режущая глаза боль. Боль, которую даже невозможно описать словами.

Шагая по сочной зелёной траве, она ощутила дуновение прохладного ветерка и невольно обхватила себя руками за плечи, продолжая идти вперёд.

Подойдя к железной калитке, она достала из-за пояса ключ и отперла замок.

За ней расстилалось лавандовое поле — бескрайнее море фиолетовой лаванды. Под порывами ветерка оно превращалось в переливчатую волну, до чего же это было красиво.

Лаванду называют королевой трав. Эти нежно-голубовато-фиолетовые цветы в пору цветения источают аромат, который ощущается за добрые десять ли; но самое удивительное было в том, что, стоя прямо посреди огромного цветочного поля, чувствуешь тот же далёкий, мягкий и

ненавязчивый запах. Неспешно прогуливаясь среди цветов, оставляешь на подоле одежды лёгкий, прохладный шлейф — такой далёкий, словно воспоминания о первой любви.

Аромат лаванды не был ни простым и лёгким, как у жасмина, ни меланхолично-тоскливым, как у ночной красавицы. Он был по-своему сладостен, независим и шёл наперекор чужим мнениям. Те, кому он нравится, обожают его до безумия, а те, кто не любит, обходят стороной после первого же вдоха. Столь необычный запах всегда неотделим от глубокой, далёкой тоски. Тоски без надрыва — словно прозрачный осенний лунный свет, словно тоска сквозь тысячи рек и гор.

Любовь к аромату лаванды — это особая привязанность, сентиментальная ностальгия. Среди всевозможных благовоний в ней нет ни бурной страсти розы, ни простоты лилии, но её невозможно стереть ничем: это аромат, остающийся в сердце после ушедшего ветра, призрачный лунный свет ясной ночью, музыка, льющаяся со скрипичных струн, старое платье, найденное на дне сундука; это персиковый цвет мартовских дней юности, когда даже лучи солнца начинают блекнуть, а улыбка мальчишки за пределами робких чувств всё так же сияет; это неоконченная мечта, от которой при пробуждении остаётся лишь густая, неразбавленная горечь... Пожалуй, лаванду — эти сплошные фиолетовые волны в полях и плывущий в воздухе аромат — лучше назвать частицей самой памяти.

Память...

Словно лаванда, истории, происходившие здесь, казались вчерашним дымом — далёкими и мягкими, но до того призрачными, что они намертво высечены на самом дне сердца...

В одно мгновение помрачения она вдруг поняла, что язык цветов лаванды — это ожидание...

Чего же она ждёт? — непрерывно спрашивала себя Юйсинь в глубине души. Тысячи раз, десятки тысяч раз, но так и не находила ответа.

Дружбы или...

Глядя на бескрайние заросли лаванды, люди часто говорят: просто дыши, и ты увидишь чудо. Это значит, что стоит лишь сделать глубокий вдох — и случится чудо.

Но почему же я дышу так долго, а чудо всё не появляется?

Неужели всё это ложь?

Всё ложь.

Ложь.

Думая об этом, Юйсинь вновь погружалась в тяжёлую, нахлынувшую изнутри тоску.

Чудо, которого она ждала так долго, в конце концов так и не явилось.

Впрочем, верно. Я никогда ни на что не надеялась.

Потому что знаю: нет надежды — нет и разочарования. Поэтому я никогда не разочаровываюсь.

Никогда не разочаровываюсь, во веки веков...

Глядя на эту лаванду, Юйсинь чувствовала себя ещё тоскливее, ещё сильнее тосковала по прошлому.

Она подошла к самому центру цветочного моря, медленно наклонилась, сорвала цветок лаванды и поднесла к носу, втягивая воздух: легкий, нежный аромат тут же ударил в нос, принес с собой лёгкую печаль!

Это поле лаванды Юйсинь специально велела вырастить людям, постоянно наказывая им заботиться о нём со всей тщательностью, непременно заботиться как следует.

Она выпрямилась и посмотрела вдаль, на синее небо: Яо Яо, ты как там? Вспоминаешь ли ты меня хоть немного? Я ведь так сильно скучаю по тебе, чувствуешь ли ты это?

Какой уже раз? — думала про себя Юйсинь. — Какой уже раз я вот так тоскую по тебе, желая прямо сейчас сорваться, найти тебя, быть вместе, поговорить о том, как прошли эти годы, не было ли тебе одиноко? Помнишь ли ты меня, свою подругу детства?

Юйсинь опустила на землю и тихо прикрыла глаза. Её длинные ресницы слегка дрожали от дуновения ветерка, и вдруг в памяти всплыли детские картины.

То был задний сад — огромный-огромный, похожий на лабиринт.

Стояла тихая ночь, белый лунный свет падал на двух девочек. Строго говоря, девочками их уже нельзя было назвать, им исполнилось по тринадцать лет, но в их головах вечно рождались забавные идеи — такие, от которых они сами начинали смеяться.

Они сидели на качелях спина к спине, закрыв глаза, и слушали симфонию цикад.

— Яо Яо, что ты любишь больше всего? — с любопытством спросила Юйсинь. Через пару дней был её день рождения, и она ломала голову над тем, что подарить подруге, но ничего не могла придумать, поэтому решила спросить напрямую.

— М-м-м... — Яо Яо открыла глаза, задумчиво опустила голову, потом вдруг словно что-то вспомнила, встала и, потянув Юйсинь за руку, выпалила: — Я люблю лаванду.

— Лаванду!? — Изначально Юйсинь думала, что Яо Яо любит лишь кукол, музыкальные шкатулки или щеночка, о котором та вечно мечтала. Она никак не ожидала, что Яо Яо назовёт лаванду — до чего же необычный выбор.

Наклонив голову, Юйсинь с любопытством воззрилась на подругу: — Почему? Почему Яо Яо любит лаванду?

Яо Яо улыбнулась чистой, беззаботной улыбкой: — Потому что ещё в раннем детстве я слыхала от самых разных людей, что лаванда — это прекрасный цветок, обладающий удивительной магией. И тогда я подумала: какая же в лаванде магия? Разве это не обычные цветы?

Юйсинь внимательно слушала, а в её сердце уже созрело решение: в день рождения она подарит подруге лаванду. Огромный, просто огромный букет лаванды.

— И вот, поддавшись этому любопытству, я наконец увидела лаванду. Помню, это было случайно, и я услышала, как кто-то сказал: просто дыши, и ты увидишь чудо — стоит лишь сделать глубокий вдох, и случится чудо. Я всегда верила в эти слова, всегда верила, — Яо Яо прикрыла глаза, на её лице застыло счастливое выражение.

Так они и сидели, прислонившись спинами друг к другу, глупо глядя в небо и беззвучно улыбаясь.

Но теперь, казалось, всё было не вернуть. Всё оборвалось в тот самый день три года назад.

Как же хотелось вернуться в то время — к чистым, беззаботным улыбкам, к бесконечным шуткам и играм, которые никогда не кончатся.

Но когда не хватает одного человека, как сценарий может вернуться к прежнему? К тому же, нынешняя я — вовсе не ангел, и ангелом мне уже никогда не стать. Нынешняя я — death, думающая о смерти.

— Яо Яо, — тихо прошептала Юйсинь.

Это имя никогда не исчезнет из её жизни.

Она помнила суровые тренировки на грани жизни и смерти, но стоило ей вспомнить о Яо Яо, как в ней просыпалась железная решимость, и она давала себе клятву непременно пройти тренировки до конца и стать лучшей наёмницей.

Теперь она добилась своего. Значит ли это, что:

Шангуань Юньси, наша игра скоро начнётся, ты готова? Твою игру я потянула, так надеюсь, что и мою игру ты сможешь проиграть с честью.

Она медленно поднялась, надела солнцезащитные очки и быстрыми шагами покинула лавандовое поле. Села в спорткар и направилась к бару.

Пурпурное Очарование — 1

Воздух был напоен лёгкой печалью и едва заметной горечью.

Ангелы.

Все любят ангелов, особенно дети, ведь они считают ангелов прекрасными, добрыми и чистыми.

Но люди вечно упускают одну деталь: если ангел облачён в чистое обличье, значит ли это, что он действительно чист?

Человеческие сердца всегда злобны — по крайней мере, Юйсинь придерживалась именно такого мнения.

На губах Юйсинь мелькнула горькая усмешка.

А я? Кто я такая? Фальшивый ангел под маской чистоты или бескомпромиссная death?

В глазах окружающих она наверняка была последней, и это определение подходило ей куда больше. Death! И впрямь, она была именно таким человеком — тем, кто в любой момент мог забрать чью угодно жизнь.

Она онемела душой или просто привыкла?

Вспоминая прошлое, сколько же людей ей пришлось убить ради нынешней репутации, сколько чужой крови впиталось в её змеиный хлыст? Всего не сосчитать.

Всё, что она знала — это то, что Шангуань Юньси заставила её измениться именно так, заставила её прорвать кокон и превратиться в бабочку...

А главное — если уж ступила на путь death, пути назад уже не будет. Никогда-никогда...

Юйсинь припарковала машину у входа в Пурпурное Очарование, красиво вписавшись в поворот.

Выйдя из авто, она скрыла бо́льшую часть лица за очками в красной оправе.

Сделав шаг к входу, она внезапно наткнулась на преграду — чья-то рука заступила ей дорогу.

Красивые брови Юйсинь недовольно сошлись на переносице.

Перед ней стоял человек с вежливой улыбкой и почтительно произнёс:

— Госпожа, вам туда нельзя, внутри уже занято.

Нельзя войти? Шутите. Кроме мест, куда не хочется идти ей самой, не было точек, куда ей закрыт вход. К тому же, это её территория — с какой стати ей куда-то не пускают?

На губах Юйсинь заиграла игривая усмешка, и она с показным интересом осведомилась:

— И позвольте узнать, почему же мне нельзя войти?

Тот ответил всё с тем же неизменно вежливым выражением и тоном:

— Потому что некто выкупил весь бар целиком и строго-настрого приказал никого не впускать. Так что, госпожа, прошу, не усложняйте мне жизнь.

Выкупил целиком? У Пурпурного Очарования никогда не было таких правил.

Этот бар строился ради Яо Яо. Ей нравилась лаванда, поэтому он и звался Пурпурным Очарованием. И здесь действовало правило: никому не дозволено выкупать бар целиком. Потому что Яо Яо не любила этого, ей нравился шум и всеобщее равенство.

При этой мысли Юйсинь разъярилась: кто этот невежда, решивший, что я пустое место? Смеет нарушать мои приказы!

Шагнув вперёд, Юйсинь бесстрастно бросила:

— А если я всё-таки войду? Удержишь меня?

Вся вежливость мгновенно испарилась, обнажив истинное лицо охранника:

— Раз госпожа не понимает правил, не обессудьте, церемониться не станем! — с этими словами из-за его спины выскочила целая толпа людей в чёрном.

Вы собрались драться со мной? Похвальная самоуверенность, но не слишком ли вы переоцениваете свои силы?

Юйсинь уже мысленно приготовилась к бою, в её груди разгоралось пламя, которое трудно было потушить.

Но в этот самый момент позади неё раздался холодный женский голос:

— Стоять! Какая наглость, вы что, вздумали бесчинствовать на территории Пронзающего Снега?

Юйсинь обернулась — это были demon и остальные.

Заметив Преподобного Лэн, они слегка опешили. Слоговое «Лэн...» уже сорвалось с губ, но они тут же проглотили его, поскольку Юйсинь знаком приказала молчать.

Обретя самообладание и окинув взглядом происходящее, они подумали: бросить вызов Преподобному Лэн — значит обречь себя на верную смерть без единого шанса на спасение.

Пурпурное Очарование — 2

В банде Юйсинь и остальные пользовались глубоким уважением, братья уважали их от всего сердца. И пусть им было всего семнадцать, их силу нельзя было сбрасывать со счетов.

Как-то раз мелкая банда заявила на чужую территорию и случайно ранила нескольких парней из Пронзающего Снега. Из-за этого Юйсинь пришла в бешенство и в одиночку, без всякой подготовки, стер их в порошок.

На сей раз вы посмели оскорбить Преподобного Лэн — даже если она вас простит, братья из банды этого не спустят.

Юйсинь вернула лицу прежнее выражение, тронутое лёгкой демонической усмешкой. Она крутила на пальце кольцо с дурманом, чёрный металл ярко сверкал на солнце, но нёс в себе вечную тьму, не знающую света.

— Вы знаете, что бывает за бесчинства на территории Пронзающего Снега? — вновь прозвучал ледяной голос.

Главарь банды, заметив demon в маске с перевёрнутым крестом, понял, что дело дрянь, и бросился шепнуть на ухо главарю:

— Главарь, уходим! Это же территория Пронзающего Снега, в душе его охватил страх.

Главарю тоже хотелось сбежать, он понимал, с кем связался, но отступить вот так — значит напрочь потерять лицо, как потом смотреть в глаза пацанам?

Стиснув зубы, он бросил на demon:

— Мы люди подневольные, выполняем приказ, как говорится, платят деньги — отработываем! — и крикнул тем, кто позади: — Взять их!

У стоявших сзади заметно задрожали колени.

Всё это не укрылось от глаз Юйсинь, и она насмешливо фыркнула: испугались?

Пусть страшно, но послушаться приказа главаря нельзя — даже если не умрёшь в бою, за

неисполнение приказа дома ждёт смерть. Лучше уж попытаться сейчас. И толпа бросилась вперёд.

Демон уже собирался вмешаться, но тонкая рука Юйсинь остановила его. Бросив короткий взгляд, она дала понять, что вмешиваться не нужно.

Юйсинь перестала крутить кольцо, и из-под её ладони вылетели с добрый десяток серебряных игл. Под звук: — Ш-ш-ш... — с десяток противников рухнули на землю как подкошенные.

Юйсинь презрительно обронила:

— Самоубийцы.

Главарь, увидев это, насмерть перепугался, тут же рухнул на колени и запричитал:

— Простите, простите! Слепой дурак, не признал уважаемую демон и её друзей, пощадите!

Главарь молил о пощаде, околавывая лбом пол.

Демон подошёл к Юйсинь и спросил:

— Преподобный Лэн, что с ним делать?

Сохраняя демоническую улыбку, она ответила:

— Это весьма занятная игра, правила ты знаешь.

Демон с понимающим кивком отдал приказ утащить его.

Юйсинь стерла с лица улыбку и с бесстрастным видом вошла в бар. Ей не терпелось узнать, у кого хватило наглости нарушить её правила.

Кольцо на пальце по-прежнему сверкало — чёрный дурман...

Чёрный дурман символизирует непредсказуемую тьму, смерть и скитальческую любовь.

И к Юйсинь это подходило как нельзя лучше.

Конечно, с чёрным дурманом связана легенда: в каждом цветке чёрного дурмана живёт эльф, способный исполнить любое твоё заветное желание! Но взамен они требуют плату — человеческую кровь! Стоит лишь полить эти чёрные, чарующие цветы собственной кровью, как живущий в них эльф исполнит то, о чём ты просишь! Поливать можно только кровью, ведь они обожают это обжигающее, смертоносное чувство!

Быть может, сама Юйсинь и была этим дурманом — смертоносно прекрасной и непостижимой.

Эх, пропали те две девчонки — Цзыде и Жо Сюань. Печально.

Пурпурное Очарование — 3

Тишину в баре прервал внезапный взрыв веселья. Юйсинь недовольно нахмурилась — настроение явно было испорчено.

Один из подчинённых, заметив появление demon и angel, подбежал к ним и зашептал что-то на ухо. Их лица на глазах мрачнели, и Юйсинь поняла: нынешнее дело куда сложнее, чем казалось.

Angel хмуро дослушал до конца и растерянно посмотрел на стоявшего рядом demon, словно ища у него защиты.

Demon лишь беспомощно переглянулся с ним.

— Есть что сказать — говори прямо, я не люблю недомолвки, — Юйсинь опустила голову, глядя на кольцо на пальце, и горько усмехнулась про себя: зачем она всё это делает, неужели оно того стоило?

— Д-да... Тут кое-кто выкупил весь бар целиком, они сейчас в кабинете мандрагоры номер 409. И... остальные два Преподобного Лэн тоже там, — осторожно доложил demon.

Лицо Юйсинь заметно почернело, погрузившись во мрачную тень, от которой ве холодом, а брови взлетели вверх: Цзыде и Ро Сюань? Они самые? Ха-ха, устали жить? Или я им опротивела, да?

Юйсинь думала так не без оснований — она прекрасно знала их характеры, особенно Ро Сюань, которая вечно бесилась из-за того, что все решения Юйсинь принимает единолично, и этот бар — не исключение.

Оборвав раздумья и движения, она холодно и хрипловато обронила:

— Даю минуту. Выясните, у кого хватило смелости нарушить моё правило.

Пальцы angel застучали по клавиатуре ноутбука, и не прошло и минуты, как вся информация была у них в руках.

— Нашли, Преподобный Лэн, — почтительно и сурово доложил angel.

Она отпила из бокала коктейль — неплохо, свежеприготовленная «Кровавая Мэри», смесь водки, томатного сока, дольки лимона и корня сельдерея, с насыщенным и неповторимым вкусом.

<http://bllate.org/book/21104/2142314>